

Теория перевода

Владимир Манчев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Контакты между различными культурами имеют очень давнюю историю, но в XXI-м веке они приобрели особенно массовый характер. Это объясняется большей открытостью современного мира и возросшей мобильностью живущих в нем людей. Достаточно привести в качестве примера такие ситуации межкультурного общения, как туристические поездки, стажировки преподавателей, международные научные конференции и совместные проекты, экономическое сотрудничество, гастролы, олимпийские игры и иные спортивные мероприятия. Сведения о жизни других обществ становятся доступны нам и благодаря различным СМИ, фильмам, литературе, музыке, интернету. Процессы, происходящие при этом в нашем сознании, наше восприятие данной информации, реакция на нее, возможные психологические преобразования являются существеннейшими моментами изучения феномена межкультурной коммуникации.

Глобализация и трансформационные процессы, происходящие в России и странах Восточной Европы, привели к активизации контактов во всех областях жизни, включая и сферу культуры. Общение представителей различных культур стало неотъемлемой частью современной жизни и выдвинуло на передний план проблему преодоления культурного барьера. Всю серьезность вопроса о специальной подготовке к межкультурной коммуникации подтверждает уже тот факт, что даже в процессе общения с представителями своей культуры человек может столкнуться с непредвиденными трудностями, вызванными разницей в возрасте, социальном положении, интересах, политических пристрастиях, профессии. Но преодолеть эти трудности и достичь взаимопонимания гораздо легче представителям одной культуры, владеющим одним языком, чем людям, выросшим в различных культурах и общающимся на неродном для них (или, по крайней мере, для одного из них) языке.

Отсутствие языкового барьера далеко не всегда является достаточным условием для успешного преодоления барьера культурного. Знание языка не дает автоматически “ключа” к овладению навыками и стратегия-

ми, необходимыми для преодоления культурного барьера.

Следовательно, весьма актуальной становится проблема подготовки к межкультурной коммуникации. Необходимо учитывать то обстоятельство, что мировосприятие и система ценностей нашего партнера по коммуникации сформировались в иных географических, политических, экономических и общественных условиях, оказавших влияние на его мышление, поведение и привычки. Сказанное выше относится даже и к таким близким культурам, как русская и болгарская.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о взаимодействии русской и болгарской культур представляется логичным дать определение таким понятиям, как культура и взаимодействие культур.

Понятие **культура** толкуется неоднозначно. Количество ее определений “измеряется сегодня четырехзначными числами” [Гуревич 1996: 10]. Некоторые исследователи считают, что “...все, что есть в человеке как человеке, предстает в виде культуры, и она оказывается столь же разносторонне богатой и противоречиво дополнительной, как сам человек – творец культуры и ее главное творение” [Каган 1996: 20]. Другие, в свою очередь, определяют культуру как “...человеческую среду, все то, что помимо выполнения биологических функций придает человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание” [Бенвенист 1974: 30]. Представляется целесообразным подход тех ученых, которые при определении **культуры** пытаются установить ее наиболее характерные черты и функции, воспринимаемые как ее компоненты. В таком смысле **культура** понимается как совокупность таких компонентов, среди которых выделяются:

1) результаты деятельности человеческого общества в материальной и духовной сфере, например, материальная культура, духовная культура [Тер-Минасова 2000: 12];

2) знания, образованность, например, человек высокой культуры [Тейлор 1989: 18];

3) ценность, то, что создано человеком “ради связанной с ним ценности” [Риккерт 1995: 69];

4) осознанность, то, что “человеческое сознание, в силу присущей ему разумности, вырабатывает из данного ему материала” [Видельбанд 1995: 62];

5) знаковая природа, “человеческий феномен – культура – целиком символичен” [Бенвенист 1974: 30];

6) коммуникативность, “культура есть форма общения между людьми” [Лотман 1994: 6];

7) кумулятивность, “культура есть память” [Лотман 1994: 8];

8) системность, культура – это форма коллективного негенетического опыта, определенным образом систематизированного и структурированного [Гудков 2000: 12];

9) общественный, социальный и индивидуальный характер, “культура, как и язык, явление общественное, то есть социальное” [Лотман 1994: 6].

Культура передается и развивается через общение, без которого немислимо обеспечение взаимопонимания между членами общества. В коммуникативную культуру входит система кодифицированных образцов и норм поведения и общения представителей данного общества. В свою очередь общение невозможно без языка, социального по своей природе, подчиняющегося в определенной мере тем же законам, что и поведение человека в целом. Как известно, в каждом обществе существуют этические нормы, традиции, ценности, социально регламентирующие поведение индивида, иными словами определенные социальные конвенции. Эти социальные конвенции, отражающиеся в языке, могут не совпадать не только в различных, но даже близких культурах.

Согласно двухтомной энциклопедии “Культурология. XX век”, **взаимодействие культур** – это “особый вид непосредственных отношений и связей, к-рые складываются между по меньшей мере двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, к-рые появляются в ходе этих отношений.” [<http://www.psylib.ukrweb.net/books/levit01/txt020.htm>].

Как известно, коммуникативная компетенция состоит из лингвистического, социолингвистического и прагматического компонентов, каждый из которых включает в себя все категории общей компетенции человека.

Следует подчеркнуть важную роль социолингвистического компонента, являющегося связующим звеном между коммуникативной и другими видами компетенций. Данный компонент коммуникативной компетенции, будучи ориентированным на социальные нормы, оказывает сильное влияние на языковое оформление общения между представителями различных культур.

Одним из условий успешной коммуникации представителей различных культур является сочетание лингвистической компетенции (знания языковых норм) и профессиональных и лингвосоциокультурных концептов “иностранной речевой общности” [Халева 1989: 39].

Для того, чтобы лучше понять представителей иной культуры нельзя, на наш взгляд, сбрасывать со счетов и влияние природных условий существования того или иного народа на формирование его национального характера и мировосприятия. Идею географического детерминизма в зачаточной форме мы обнаруживаем еще в рассуждении знаменитого

античного ученого и врача Гиппократ (ок. 460 — ок. 370 до н.э.) «О воздухах, водах и местностях» [Избранные книги 1936; 1994]. Влияние окружающей природы и климата на “дух народа” отмечали такие немецкие и французские философы XVIII века, как Шарль Монтескье (в “Духе законов”) и Гердер. К географическому детерминизму склонялись и некоторые русские историки и философы, например В. Ключевский видел «живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека» воплощенным «в основных стихиях природы русской равнины - в лесе, степи, реке» [Ключевский 1956: 66].

У Н. Бердяева можно встретить «соответствие между необъятностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной» [Бердяев 1990: 28].

В связи со сказанным выше можно привести в качестве примера влияния особенностей климата и географии на жизнь русских и болгар самые распространенные у этих народов типы жилищ. Так, в России традиционным типом жилища является деревянная изба. Это обстоятельство можно легко объяснить во-первых, доступностью материала (древесины) и, во-вторых, дефицитом времени – теплый период, в течение которого можно было построить дом, на большей части территории России краток. ... “В этом сказалась продолжительная переселенческая бродячестъ прежних времен и хронические пожары – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке” [Ключевский 1956: 71].

Иначе обстоит дело с традиционным жилищем болгар – материалы, используемые при строительстве дома в Болгарии, по своей долговечности и устойчивости к огню существенно отличались от дерева – в силу особенностей рельефа страны, широко применялись камень, глина, известковый раствор, кирпич (как обожженный, так и кирпич-сырец) и черепица. Неудивительно поэтому, что в болгарском языке отсутствует лексема *погорелец*, наличествующая в русском. Кроме того, постройка дома являлась для болгарина очень важным событием в жизни, не случайно в болгарском языке бытует поговорка: “Турчин като забогатее, жена си взима, а българин – къща прави”.

Таким образом, при всей универсальности концепта “дом” в русской и болгарской культурах, существуют и различия, связанные как с некоторыми чертами его образно-мифологической сущности, так и с особенностями истории, жизни, быта русских и болгар [Манчев 2005].

Интересно, что в культуре каждого народа один и тот же символ может иметь разные проявления. Так, например, по утверждениям болгар-

ских исследователей [Георгиева 1983; Маринов 1981 и др.], в болгарской мифологии в роли покровителя дома выступала чаще всего змея, являвшаяся олицетворением родового духа-покровителя дома, семьи и имущества. Народная традиция запрещает убивать змею-хозяйку (болг. *стопан*) дома или нивы, т.к. считается, что это может привести к смерти кого-либо из домочадцев. Для змеи-хозяйки оставляют часть обрядового угощения во время всех значительных праздников.

В свою очередь, в русской мифологии мы обнаруживаем совсем иной, антропоморфный по своей сути образ духа-покровителя дома. Это *Домовой* – очень важный персонаж в крестьянском быте. Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров: “... домовый – прямой пережиток языческих домашних богов Рода и Чура, т. е. он еще дохристианского происхождения” [Верещагин, Костомаров 2000: 71]. Упомянутое мифическое существо “...показывается людям стариком, ростом с пятилетнего ребенка, всегда в красной рубашке, опоясанной синим кушаком; лицо у него сморщенное, борода белая, волосы на голове желто-седые, а глаза, словно огонь горят” [Афанасьев I 1865 – 1869]. С Домовым связано немало суеверий, обычаев, примет. Согласно одной из них, Домовой иногда “наваливается” на спящих людей и начинает их душить. По тому, каков внешний вид Домового, “навалившегося” на спящего человека, судили о достатке в доме: если душит “мохнатой лапой” – дом богатый, либо это является предвестьем скорого богатства; если же лапа “голая” (т. е. без шерсти) – к бедности.

Однако не следует ни слепо разделять точку зрения представителей “географического детерминизма”, однозначно обвязывающих развитие общества с географической средой, ни впадать в другую крайность – “географический нигилизм”. Безусловно, географическая среда оказывает определенное влияние на формирование, развитие и жизненный уклад определенного этноса, но принимая во внимание творческие возможности человека и связанное с этим развитие науки и техники, а также культурный обмен между народами, можно утверждать, что налицо определенная независимость человека от географического фактора.

Наряду с особенностями климата, рельефа, истории и культуры двух славянских народов нельзя не отметить специфические черты грамматического строя двух языков. Интерес представляет, например, отсутствие категории определенности в русской именной системе, что позволяет некоторым исследователям даже делать выводы о восприятии окружающего мира носителями русского языка как явления хаотического и в достаточной степени неопределенного.

Весьма примечательную мысль о влиянии грамматики русского

языка на ментальность его носителей высказал В. В. Колесов в своем интервью газете «Православный Санкт-Петербург», № 3, 2004: «Грамматика – это корень, который питает русскую мысль, русское мировосприятие, это коренные свойства языка...» [В. В. Колесов, в: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=12915>].

В этом плане следовало бы отметить такую особенность болгарской грамматики, как наличие весьма разветвленной временной системы болгарского глагола. Здесь сам грамматический строй данной части речи эксплицитно выражает, в какой промежуток времени происходило то или иное событие, действие, в то время как русский глагол, обладая лишь тремя временными формами, выражает данную информацию имплицитно.

Можно отметить также наличие в болгарском языке особой формы глагола – т. н. несвидетельского наклонения (болг. преизказно наклонение). Помимо основного значения – выражения того факта, что говорящий не является свидетелем действий, о которых сообщает (По улицата *минавали* много хора), данная глагольная форма имеет и дополнительные: сомнение, недоверие по отношению к чужому мнению, несогласие с ним (Иван *бил се върнал* от чужбина с много пари. Не *съм възпитавал* децата си правилно!) и удивление (Я, небето съвсем *се изяснило*!). В свою очередь в русском языке для передачи чужих слов и выражения дистанцированности, недоверия, сомнения используются лексические средства. Можно было бы предположить, что для носителей русского языка приоритетной является сама информация, а не ее источник.

Имплицитное выражение многих частных временных значений (как уже отмечалось выше) и большая роль вида, а также контекста в их реализации обусловлены простой системой времен русского глагола. Данный факт объясняет и активное использование форм времени в переносном значении, например, формы настоящего могут использоваться для обозначения как прошедших (Звонит мне вчера Андрей и просит его сменить), так и будущих событий (На следующей неделе мы едем на дачу). Возможен также вариант использования формы будущего совершенного вида для выражения прошедшего события как неожиданного и вызывающего удивление (Придумают же такое!) или формы будущего времени не совершенного вида в значении настоящего, вызывающего неодобрительную оценку говорящего (И после этого ты мне еще будешь хвастаться?!). Встречается и употребление формы прошедшего в значении близкого будущего (Не волнуйся, я уже вышел) и др.

Особенности временных форм русского глагола стали причиной того, что многие грамматисты-славянофилы XIX века сделали вывод о том, что в русском языке временные формы не обладают постоянным зна-

чением, а зависят от вида и способов действия. Придавая данному выводу философский и идеологический смысл, представители славянофильства рассуждали “о различии между внешней, рационалистически отвлеченной категоризацией жизненного опыта, составляющей, согласно славянофильской концепции, сущность западной ментальности, и органическим подходом, стремящимся проникнуть в “жизненную” сущность явлений, — то, что составляет отличительное свойство русской культурной традиции” [Гаспаров 1999: 29], а также русского языка.

Конечно, можно спорить о том, оказывает ли грамматический строй того или иного языка влияние на ментальность его носителей, или ментальность отражается в языке, бесспорно одно – язык не существует изолированно от его носителей их духовности и культуры и их мировосприятия.

Не вникнув в народопсихологию носителей данного языка, нельзя должным образом изучить и сам язык. Это очень точно отметил в свое время Вильгельм фон Гумбольдт, писавший: “Языки - это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение... Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа...” [Гумбольдт 1985: 349].

Так, например, чтобы понять фразу: *Этот ваш Иванов - настоящий Плюшкин*, необходимо иметь хотя бы общее представление о творчестве Н.В. Гоголя и внимательно прочитать его поэму в прозе “Мертвые души”. Кстати, даже само название этого произведения давно превратилось в устойчивое словосочетание.

Аналогично, для понимания приводимого ниже отрывка из очерка В. Колыхалова “Проточные годы” требуется знание реалий, литературы, истории, в противном случае понимание текста (а, следовательно, и коммуникация) будет затруднено:

“Но **станочники-вахтовики** из Томска, Новосибирска, Юрги — профессионалы железного дела, люди точного мастерства, потому что высокой точности обработки деталей на «расхлябанной» станочной флотилии можно добиваться только при условии задатков **лесковского умельца Левши**.”

Расхождения между культурами, даже близкими, объясняют наличие лакун, или своеобразных пропусков, пробелов, отсутствующих лексем для выражения определенных понятий. Следует отметить, что “главной особенностью лакун является то, что они возникают в процессе общения, в ситуации контакта двух культур, обменивающихся текстами” [Марковина, Сорокин 1989: 112].

Приведем несколько примеров лексических лагун:

В русском языке:

закладка

крыльцо

прорубь

В болгарском языке:

лента, ширит, картонче и др.

за отбелязване на страница в книгата

[Влахов 2004: 204]

вход с няколко стъпала и площадка

[Влахов 2004: 293]

дупка в леда (на река, на езеро)

Влахов 2004: 597]

В болгарском языке:

пангар

В русском языке:

прилавок в церкви для продажи

свечей [Чукалов 1960: 638]

Говоря о взаимодействии русской и болгарской культур, нельзя обойти молчанием процесс формирования болгарского литературного языка в период становления болгарской нации. Еще с самого начала XIX века до освобождения Болгарии от османского ига в 1878 году болгарский литературный язык испытывает влияние как церковнославянского языка, так и разговорной речи. Весьма существенным в указанный исторический период было и влияние русского языка, сказавшееся, прежде всего, в сфере государственно-административного устройства и военном деле (см. лексемы русского происхождения или появившиеся в болгарском языке через посредство русского: *приклад, щик, караулка, постови, часовой, поручик, наряд, взвод, ударник, патронник, гилза* и мн. др.).

Не следовало бы забывать и об огромном влиянии русской культуры, которое болгарский ученый С. Стоянов определяет как «...один из самых мощных факторов восхода нашей (болгарской – В. М.) культуры и нашего национального возрождения в целом» [Стоянов 1993: 27].

По словам З. К. Шановой, “переводы XIX в. с русского языка на болгарский оказали большое влияние на духовное развитие болгарина, на формирование и развитие новоболгарского литературного языка и болгарской литературы” [<http://szanowa.narod.ru/perevod.htm>].

Как известно, практические нужды межкультурной коммуникации подчас приводят к переосмыслению традиционных идей и вызывают необходимость в поисках новой научной парадигмы, основывающейся на эвристических возможностях коммуникации и культуры.

Необходимо помнить также и о том, что межкультурная коммуникация обогащает национальные культуры, способствует формированию вторичной языковой личности и снятию противопоставления “свой – чужой”.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974: *Бенвенист Э.* Семиология языка. М., 1974.
- Бердяев 1990.: *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990.
- Видельбанд 1995: *Видельбанд В.* Философия культуры и трансцендентальный анализ. Культурология. XX век. М., 1995.
- Влахов 2004: *Влахов С.* Нов руско-български речник. С., 2004.
- Гаспаров 1999: *Гаспаров Б.* Лингвистика национального самосознания // Логос. 1999. № 4
- Гудков 2000: *Гудков Д. Б.* Межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Гумбольдт 1985: *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.
- Избранные книги 1936: *Избранные книги.* М., 1936.
- Каган 1996: *Каган М. С.* Философия культуры. М., 1996.
- Ключевский 1956: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Сочинения в 8-ми тт.: Т. 1., М., 1956.
- Лотман 1994: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
- Манчев 2005: *Манчев В.* Концепт “дом” в русском и болгарском языках с точки зрения лингвокультурологии и теории перевода. Пловдивски университет “Паисий Хилендарски”, България. Научни трудове, том 43, кн. 1, сб. А, 2005 – Филология, Лингвистични дискурси. Юбилеен сборник в чест на 70-годишнината на проф. д.ф.н. Стефана Димитрова, с. 193 – 198.
- Марковина, Сорокин 1989: *Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А.* Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- Риккерт 1995: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. Культурология. XX век, М., 1995.
- Стоянов 1993: *Стоянов Ст.* Граматика на българския книжовен език. “Св. Климент Охридски”, С., 1993.
- Тер-Минасова 2000: *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Халеева 1989: *Халеева И. И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., Высшая школа, 1989.
- Чукалов 1960: *Чукалов С. К.* Българско-руски речник. Трето издание. “Наука и изкуство”, С., 1960.
- Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах. Главный редактор и составитель С. Я. Левит. СПб. 1998. (<http://www.psylib.ukrweb.net/books/levit01/txt020.htm>)